ВАРВАРИЗМЫ В ОЧЕРКАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования варваризмов в очерках М. Цветаевой, задачи – установить языки, которые послужили источником иноязычных элементов, охарактеризовать структурно-семантическую типологию иноязычных вкраплений, представленных в публицистике М. Цветаевой, определить художественно-стилистическую роль указанных конструкций. В связи с этим представлены семантико-стилистический и описательный методы, частично задействован количественный метод исследования языковых фактов.

Поэзия М. Цветаевой представляет собой богатый материал для лингвистического изучения, так как, по выражению О.Г. Ревзиной, М. Цветаева «никогда не удовлетворяется тем, что достигнуто в нормативном языке и докапывается до сути, до глубинных возможностей буквально любого языкового явления» [Ревзина 1996: 40]. Есть много работ, посвященных языковым особенностям поэтического творчества М. Цветаевой, но недостаточно, на наш взгляд, исследовано ее прозаическое наследие, очерки.

В данной статье анализируется язык очерков «Герой труда», «История одного посвящения», «Живое о живом», «Пленный дух», «Слово о Бальмонте», «Нездешний вечер», «Искусство при свете совести». В указанных произведениях, написанных в 30-е годы XX века (только очерк «Герой труда» – чуть раньше), говорится о природе поэта, о «породах поэтов», о судьбе и месте поэта в обществе. Как известно, 30-е годы XX века стали временем расцвета Цветаевой-прозаика, а содержательный вес очерков «решительно превышает жанр мемуарного портрета», так как в них представлен «неожиданный простор для свободного воплощения страсти размышлений о жизни и смерти, о природе человека, природе слова и поэзии» [Кудрова 2005: 11]. Перенесенная в прозу методология поэтического мышления стала основой для создания «актуализирующей» прозы, в которой сочетаются особенности мышления М. Цветаевой, тенденции русского литературного языка и принципы прозы первой трети XX века.

Анализируемые очерки были написаны автором во время проживания за границей, поэтому неудивительно, что в тексте встречается много варваризмов, использование которых стало чертой идиостиля М. Цветаевой. Варваризм – это «иноязычное слово или выражение,

не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения» [Розенталь 2003: 48]. В данной работе будут рассматриваться варваризмы, передаваемые графическими средствами языка-источника, – иноязычные вкрапления в художественный прозаический текст. В очерках М. Цветаевой встречаем галлицизмы (72%), германизмы (24%) и латинизмы (4%).

В ряде случаев широкое использование галлицизмов в художественных произведениях обусловлено культурно-исторической значимостью французского языка среди русской интеллигенции. Как представитель русской интеллигенции, М. Цветаева прекрасно владела французским языком, поэтому неудивительно, что большая часть иноязычных вкраплений в ее очерках – галлицизмы. Тем более, что многие анализируемые очерки были написаны автором во время проживания во Франции. В очерке «Живое о живом» М. Цветаева отмечает, что «у нас с Францией никогда не было родства. Мы – разные. У нас к Франции была и есть любовь, была, может быть, еще есть, а если сейчас нет, то, может быть, потом опять будет – влюбленность, наше взаимоотношение с Францией – очарование при непонимании, да, не только ее – нас, но и нашем ее, ибо понять другого – значит этим другим хотя бы на час стать. Мы же и на час не можем стать французами. Вся сила очарования, весь исток его – в чуждости» [Цветаева 2005: 227].

М. Цветаева чувствует потребность в использовании иноязычных элементов, потому что они имеют особое звучание, особую звуковую магию. В очерках находим описание восприятия М. Цветаевой особенностей французской и немецкой речи: «Жемчуга на струнной шее гремят, соболиные хвосты летят, летят и оленьи уши: «*Je vois assure, je vois assure, je vois jure...*» Чистейшая французская речь с ее несравненным – в горле или в нёбе? нет, в веках и в крови гнездящимся – жемчужным, всю славянскую душу переворачивающим – эр» [Цветаева 2005: 75]; «Есть у немцев слово *Scheu*, с частым эпитетом *heilige* – вроде священного трепета – непереваемое. Так именно эту священную *Scheu* я по сей день испытываю при виде пустого листа» [Цветаева 2005: 106-107]; «А – липы? А – елки Шварцвальда? О *Tannenbaum*, о *Tannenbaum*! А целая область – *Harz*, потому что *Harz* – смола. А слово *Harz*, в котором уже треск сосны под солнцем...» [Цветаева 2005: 342].

В очерках М. Цветаевой иноязычные вкрапления включаются в портретные характеристики человека, представлены при описании внутреннего состояния персонажа и свойств отдельной личности, при характеристике предметов, употребляются для выражения действий и абстрактных понятий. Причем, М. Цветаева использует и отдельное слово, и словосочетание, и предложение, и даже несколько предложений, звучащих по-французски, по-немецки или по-латински. Французская лексема даже представлена в названии

подзаголовка в очерке «Искусство при свете совести» – «*INTOXIQUÉS*» (одержимые) [Цветаева 2005: 387]. Оформление иноязычных вкраплений различно: элемент включается в основной текст, может быть представлен как вставная конструкция, дается с переводом в ближайшем контексте, в подстрочнике или без перевода вовсе.

Характерной особенностью любого очерка является документальность, достоверность фактов, событий, о которых идет речь. Называются подлинными именами и фамилиями изображаемых лиц, действительными местами событий, описывается реальная обстановка и так далее. Поэтому естественно использование варваризмов в качестве номинации иностранных реалий и неудивительно, что в публицистике М. Цветаевой посредством языка-источника передается разговор иностранцев (или с иностранцами). Так, в очерке «История одного посвящения» диалог двух рыбаков с рынка представлен французскими репликами [Цветаева 2005: 116], в очерке «Пленный дух» беседа А. Белого с официантом в немецком кафе передается немецкими фразами [Цветаева 2005: 304].

Введение иноязычных вкраплений в очерки М. Цветаевой позволяет создать национальный колорит, подчеркнуть достоверность того, о чем говорится. Находим название курсов французского языка для иностранцев в Париже: «*О нем бы я сказала как один преподаватель в Парижском Alliance française в ответ на одну мою французскую поэму...*» [Цветаева 2005: 88]; название торговой фирмы: «*Пелерина была его живым фоном, античным хором. Из Kaufhaus des Westens или еще старинная московская – не знаю*» [Цветаева 2005: 298]; название духов: «*Софья Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, так полюбившие мои стихи, полюбившие и принявшие меня как родную, подарившие мне три тома Афанасьевских сказок и двух рыжих лисиц (одну – лежащую круговую, другую – стоячую: гонораров я не хотела) – и духи Jasmin de Corse – почтись мою любовь к Корсиканцу...*» [Цветаева 2005: 345]; название города: *Zossen* [Цветаева 2005: 276] (в дальнейшем тексте выражается отношение автора к слову: «*И слово не нравится: Zossen. Острое и какое-то плоское, точно клецка*» [Цветаева 2005: 289]); название улиц, авеню: «*Встречаю его, после довольно большого перерыва на неминуемой в каждом предместье главной улице с базарным названием «Rue de Paris» (вариант: «Rue de la République»)*» [Цветаева 2005: 320]; «*Дом, знаменитый в русской эмиграции, 1, Avenue de la Gare, всеэмигрантские казармы, по ночам светящиеся, как бал или больница, каждое окно своей бессонницей, дом, со всех семи этажей которого позднему прохожему на плечи – как ливень – музыка, из каждого окна своя...*» [Цветаева 2005: 111] (название авеню дается и в русском варианте: «*Поющий, вопиющий, взывающий и глаголящий, ставший русским дом 1, авеню де ля Гар*» [Цветаева 2005: 112]); название городских объектов: «*Как некоторые из нас, во*

всяком случае, русские няни, *Arc de Triomphe* превращают в Триумфальные ворота и Пасси в Арбат, так и Макс в те годы превращал Арбат в Пасси и Москва-реку в Сену» [Цветаева 2005: 226]. Русскоязычный вариант используется, когда иностранная реалия становится ближе, роднее, а варваризм в таком случае подчеркивает чуждость, выступая в оценочной функции.

В очерках М. Цветаевой распространено использование иноязычных вкраплений, обозначающих названия произведений и их авторов. Графическими средствами языка-источника передается: 1) название произведения и фамилия автора: «Дальше – хуже. То есть через день: бандероль, вскрываю: *Henri de Régnier*, «*Les rencontres de Monsieur de Bréot*» [Цветаева 2005: 157]; 2) только название произведения: «Но можно ли так цитировать, когда «*Tristia*» продается в каждом книжном магазине?» [Цветаева 2005: 140]; 3) только фамилия автора: «...есть женская кисть (*Rosa Bonheur*)...» [Цветаева 2005: 62].

Встречаем случаи несколько ассимилированного включения иноязычных вкраплений в структуру текста, когда к названию произведения, написанного графическими средствами языка-источника, добавляется апостроф и окончание: «Я покупала книги у Вольфа, на Кузнецком, – ростановского «*Chanteclair'a*», которого не оказалось» [Цветаева 2005: 37]. Подвергается подобному освоению и фамилия, на основе которой посредством русского суффикса и окончания образуется прилагательное: «И внезапно – *au beau milieu Victor Hugo* 'ской оды Наполеону II – уже не вкрадчиво, а срочно...» [Цветаева 2005: 153].

Частым является использование варваризмов-цитат, в том числе в качестве эпитафия. Цитируются слова Людовика XVI, Наполеона, строчки из произведений Гете, Рильке, Ростана. Для М. Цветаевой на языке оригинала они звучат убедительнее. В очерке «Герой труда» В. Брюсов сравнивается с Гете, поэтому там много цитат из произведений Гете: «Чтобы не звучало голословно, читатель, проверь: хотелось ли тебе хоть раз продлить стихотворение Брюсова? (Гётевское: «*Verweile doch! du bist so schön!*!»)» (Остановись! Ты так прекрасно!) [Цветаева 2005: 26]. В этом же очерке говорится об обстоятельствах первого знакомства М. Цветаевой и В. Брюсова, о встрече, связанной с книгой Ростана, поэтому логично включение цитат из произведений этого французского автора.

В свои очерки М. Цветаева вводит французские, немецкие и латинские пословицы: «Брюсов усиленно не глядел, явно насторожась, чуя, что неспроста, и не зная, во что разыграется (*telle mere, telle fille*)» (какова мать, такова и дочь) [Цветаева 2005: 56]; «Весь же туалет, в силу именно чудовищности своей, снимал с меня всякое подозрение в нарочитости («*ne peut pas qui veut*»)» (не каждый может, кто хочет) [Цветаева 2005: 65]; «Трижды римлянином был Валерий Брюсов: волей и волом – в поэзии, волком (*homo homini*

lupus est) в жизни» (человек человеку волк) [Цветаева 2005: 36]. В данных примерах интересно оформление: пословицы даются как добавочная конструкция, в скобках, как будто автор думает одновременно на двух языках. Находим выражение отношения М. Цветаевой к латинской пословице: «Пословица *«de mortuis aut bene aut nihil»* поверхностна, или люди, ее создавшие, не чета нам. Пословица *«de mortuis aut bene aut nihil»* создана Римом, а не Россией» (о мертвых – либо хорошо, либо ничего [Цветаева 2005: 93-94].

Во многих случаях иноязычные вкрапления нужны автору для того, чтобы точнее определить то или иное явление. М. Цветаева даже подчеркивает, что трудно найти соответствующее русское слово: «Он остался *invulnérable* (во всем объеме непереводаемо)» (непроницаем) [Цветаева 2005: 24]. «Он сам был из сказки, сам был сказка, сама сказка, и, закрепляя этот его облик, я делаю то же, что все собиратели сказок, с той разницей, что собиратели записывают слышанную, я же виденную и совместно с Максом: житую: *vécue*» (пережитую) [Цветаева 2005: 225] – в данном случае М. Цветаевой необходим галлицизм, так как в русском языке нет слова, полностью соответствующего французскому. Это подчеркивается в дальнейшем контексте: «На этом французском незаменимом и несуществующем слове (*vie vécue* – житая жизнь, так у нас не говорят, а прожитая – уже в окончательном прошлом, не передает) остановлюсь, чтобы сказать о Максе и Франции» [Цветаева 2005: 225]. «В ней неизбежно играло то, что немцы называют *Einfall* (в голову пришло), и этим она походила, на этот раз, уже на мать Гете...» [Цветаева 2005: 188] – здесь варваризм оказывается более емким, заменяет целое сочетание слов.

Во многих случаях использование в очерках М. Цветаевой иноязычных вкраплений способствует повышению экспрессивности содержания текста. Элемент, звучащий на языке-источнике, кажется М. Цветаевой более наполненным смыслом, более эмоциональным, более экспрессивным средством, чем соответствующий русский элемент. «– Это ваше серьезное желание? – *Sérieux comme la mort*» (серьезное, как смерть) [Цветаева 2005: 74] – в данном примере усиливается значение серьезности, а вместе с тем экспрессивность высказывания. «Все его пороки, с той же мелкости начиная, *en grand*» (масштабны) [Цветаева 2005: 35] – здесь галлицизм позволяет подчеркнуть необходимую для автора масштабность. «Не становясь на сторону мою или моего обидчика, или, что то же, становясь на сторону и его, и мою, он просто оставался на своей, которая была вне (поля действия и нашего зрения) – внутри него и *au-dessus de la mêlée*» (над схваткой) [Цветаева 2005: 191] – в данном примере, на наш взгляд, актуализируется дистанция между двумя персонажами, отрешенность героя от того, что происходит вокруг него. «Преодоление невозможного. *Kraftsprobe*» (проба сил) [Цветаева 2005: 29] – использование иноязычного

элемента, а также номинативный характер предложений позволяет придать высказыванию твердость и категоричность.

Интересно использование иноязычных вкраплений в функции эвфемизма: «*И уверяю вас, Марина Ивановна, что даже белые листы из его сочинений vois porteraient Malheur!*» (принесли бы вам несчастье) [Цветаева 2005: 110]; «*Неужели этот херувим, это Milchgesicht, это оперное «Отонрите! Отонрите!» – этот – это написал? – почувствовал?»* (мальчишка, молокосос) [Цветаева 2005: 344]; «*И, странно (впрочем, здесь все странно или ничего), уже начало какой-то ревности, уже явное занывание, уже первый укол Zahnschmerzen im Herzen...*» (зубной боли в сердце) [Цветаева 2005: 255]; «*Как Белый сегодня к вам кинулся! Ведь – на глазах загорелся! Это был настоящий coup de foudre! – сказал мне за ужином Издатель*» (удар молнии; здесь: любовь с первого взгляда) [Цветаева 2005: 285].

Встречается повтор иноязычных элементов, причем перевод одного и того же варваризма может быть различен: «*Помилуйте, да ведь это мой titre de noblesse, тютчевский патент на благородство, почетный билет всюду, где чтят поэзию*» (принцип чести) [Цветаева 2005: 51]; «*Думаю, что для Ходасевича, как для меня, только такое «никто» – лишний titre de noblesse*» (благородное звание) [Цветаева 2005: 63]. Интересно использование однокоренных варваризмов, образующих игру слов, подчеркивающих связь между словами: «*Состояние творчества есть состояние наваждения. Пока не начал – obsession, пока не кончил – possession*» (одержимость, обладание) [Цветаева 2005: 383]. Игра слов наблюдается и в следующих примерах: «*Брюсов не был quantité négligeable, еще меньше qualité*» (незначительная величина, качество) [Цветаева 2005: 25]; «*Сидим, браво хлебаем не то суп, не то кашу, для гущи – жидкое, для жидкости – густое... – Haferbrühe, Haferbrühe, Haferbrühe, – бормочет Белый. – Brühe... brüten... точно она этот овес высиживает, в жару собственного тела его размаривает, собой его морит... Milchsuppe – Haferbrühe, Haferbrühe – Milchsuppe...*» (овсяная похлебка, похлебка, высиживать (птенцов), молочный суп) [Цветаева 2005: 296].

Своеобразно использование иноязычного слова для создания образа, в изобразительной функции. На основе французского лингвистического термина *circonflex* (знак над французской буквой *e*) появляется деталь в портретном описании: «*В каморке стоял пар. Сквозь пар белесые же пятна – лица, красные кляксы – губы, черные circonflex'ы – брови*» [Цветаева 2005: 64].

Часто иноязычные вкрапления представлены в ряду однородных членов предложения, выраженных русскими лексемами. Автор подыскивает необходимое слово и, не находя,

использует варваризм, считая его более подходящим и убедительным. «Невозможность избига (невозможность юмора, причуды, *imprévu*, – всего, что относится к душевной грации» (неожиданного) [Цветаева 2005: 60]; «Зло для него было тьмой, бедой, напастью, гигантским недоразумением – *du bien mal entendu* – чьим-то извечным и нашим ежечасным недосмотром, часто – просто глупостью (в которую он верил) – прежде всего и после всего – слепостью, но никогда – злом» (плохо понятым добром) [Цветаева 2005: 192]; «И дала не только просительнице (любимице, *Nesthäckchen*), но всем: нелюбимице – мне и лодырю-брату (птенчик) [Цветаева 2005: 105-106].

В очерках М. Цветаевой встречаем синонимичные русские и иноязычные элементы: «Час Великого Пана, *Démon de Midi*, и нашего скромного русского полудённого, о котором я в детстве, в Калужской губернии, своими ушами: «Лёнка, идем купаться!» – «Не пойду-у: полудённый утащит» (Демон Полудня) [Цветаева 2005: 147]; «Оттого рука поэта так часто и повисает в воздухе, что упор – во времени – еще не существует (*nicht vorhanden*)» (не имеется) [Цветаева 2005: 381].

М. Цветаева активно вводит в свои очерки галлицизмы, германизмы и латинизмы, оформленные графическими средствами языка-источника. Различные структурно-семантические типы иноязычных вкраплений расширяют текстовое пространство, становятся одной из доминант идиостиля М. Цветаевой, отражая концептуальную картину мира автора. Широкое использование варваризмов в очерках М. Цветаевой является следствием билингвизма автора, обстоятельствами написания произведений, культурно-исторической значимостью определенного языка в жизни русского общества. Функционирование иноязычных вкраплений определяется прямым назначением (необходимостью достоверно называть иноязычные реалии и объекты, точно цитировать иноязычные тексты и передавать разговор иностранцев), а также системой эстетической коммуникации (изобразительной и оценочной функцией, функцией создания определенных стилистических эффектов). Широкое использование в очерках М. Цветаевой иноязычных вкраплений вызвано потребностью в создании эвфемистической замены, необходимостью разграничения близких понятий, поиском наиболее точного слова, необходимостью назвать объект «цельно», одним словом, а не сочетанием слов.

Включение иноязычных элементов в структуру очерков М. Цветаевой иногда снижает «читаемость» текста, но оправдывается художественной образностью, эмоциональной насыщенностью, экспрессивностью, глубиной авторского обобщения действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Кудрова И. Марина Цветаева о поэтах и поэзии // Цветаева М. Пленный дух: Воспоминания о современниках. Эссе. СПб: Азбука-классика, 2005, с. 7-20.

Ревзина О.Г. Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. Отв. ред. Е.В. Красильникова. М.: Наследие, 1995, с. 38-53.

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2003. 623 с.

Цветаева М. Пленный дух: Воспоминания о современниках. Эссе. СПб: Азбука-классика, 2005. 448 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ